

Глава «Ритуала»: «Эмансипация не дошла до ритуальной лопаты»

15.11.2021

Глава «Ритуала»: «Эмансипация не дошла до ритуальной лопаты»

В период рекордного роста смертности от COVID-19 глава ГБУ «Ритуал» Артем Екимов в интервью РБК рассказал об увеличении числа захоронений, доходах учреждения и прогрессе в оцифровке похоронной отрасли

В октябре 2020 года Артем Екимов, глава ГБУ «Ритуал», крупнейшей московской похоронной службы, рассказывал РБК о том, как изменилась эта сфера за год пандемии коронавируса. Через год РБК снова поговорил с ним, чтобы выяснить, справляется ли отрасль с возросшим числом смертей, склонны ли москвичи экономить на погребениях и сколько стоят среднестатистические похороны.

Столичное ГБУ «Ритуал» — главный оператор похорон и московских кладбищ, преемник предприятия «Спецтрест», которое работало в этой сфере еще в СССР с середины 1930-х годов.

Пандемийные изменения

— Что изменилось, на ваш взгляд, в похоронной сфере за последний год?

— Основной тренд — это количественные изменения. Число погребений растет вслед за ростом смертности, очевидно. Но этот рост носит скачкообразный характер, связанный с так называемыми волнами пандемии. Первая, вторая, третья, четвертая. Увеличиваются, естественно, объемы нашей работы — пропорционально доле учреждения в том или ином сегменте рынка ритуальных услуг. Эти новые условия, новые обстоятельства требуют от нас еще большей концентрации на процессе, назовем его производственным. Но наш статус государственного учреждения и проводимая в течение нескольких лет общая политика, в том числе нацеленная на модернизацию наших производственных мощностей, позволили выдержать на этапе неизвестности первой волны в 2020 году такие возросшие нагрузки. На пике мы могли осуществлять погребения вплоть до 600 тел ежедневно. Это по сравнению с 300 во внекризисный период.

Нагрузка в первую очередь легла на кремационное оборудование, потому что захоронения гробом у нас распределяются на все 136 кладбищ. А вот на три крематория, особенно в условиях ориентирования Роспотребнадзора на кремацию [вместо захоронений] как предпочтительную форму погребения, пришелся основной объем. Иногда доля кремаций достигала 70–72% в общем объеме погребений.

— Сейчас объем нагрузки выровнялся по сравнению с 2020 годом?

— Показатель погребений в Москве с начала осени выше, чем, скажем, в допандемийное время, но цифры уже ближе к демографически стандартным и скорее характерны для периодов между волнами. Это не июнь—июль этого года и не ноябрь—декабрь и май 2020 года.

На сколько выросло число захоронений

По данным ГБУ «Ритуал», в сентябре текущего года похоронная служба осуществила 7810 погребений, всего с января по сентябрь — 85,5 тыс. В сентябре прошлого года было 8851 погребение, а всего за аналогичный период 2020 года — 87,2 тыс. Эти цифры значительно отличаются от допандемийного периода: с января по сентябрь 2019 года было проведено 77,7 тыс. погребений, в 2018-м — 76,1 тыс.

При этом необходимо разделять понятия «смертность в Москве» и «погребения на кладбищах и крематориях города» с учетом корректирующей доли вывоза усопших в мегаполисе для погребения в другие субъекты Российской Федерации, в первую очередь в близлежащие. Этот показатель может варьироваться от 20–30% в разные периоды, что, очевидно, естественно для статуса Москвы как основного объекта внутрироссийских миграционных и логистических потоков.

— Была ли отрасль готова к такой нагрузке в 2020–2021 годах?

— Мы готовы были. В том числе благодаря реализации ряда профилактических мер, направленных на предотвращение таких кризисных ситуаций, которые наблюдались в некоторых европейских и американских городах. Вот все эти очереди, тела на улице и т.д. Мы госучреждение. И опора на собственные силы, фундаментальная поддержка города позволили пройти нам эпидемиологически сложные периоды без таких сюжетов.

— О каких профилактических мерах идет речь?

— Мы создали свою ремонтно-строительную службу, систему обеспечения материалами и деталями, которые необходимы для текущих и капитальных ремонтов печей в крематориях. У нас свой персонал, обученный и мотивированный, в круглосуточном режиме осуществляет операционную деятельность на объектах похоронного назначения. То есть они работают без выходных и перерывов. А на случай развития каких-то негативных сценариев мы возвели трупохранилище примерно на 500 тел, расширив таким образом существующие возможности хранения на наших объектах до 1500–2000. Но даже при пиковых показателях клиентских и производственных очередей нам удалось избежать.

— То есть ни на каких стадиях погребения в Москве за последние два года не возникало очередей?

— График, безусловно, был плотный, но процесс кремации осуществлялся в регламентные сроки, и выдача урны с прахом тоже была доступна ровно по запросу заказчика.

— Проблем с местами на кладбищах тоже не было?

— Нет. Порядка 10–12 тыс. захоронений в год осуществляется на открытые для свободного захоронения кладбища, а остальные 35–37 тыс. захораниваются в родственные захоронения. Чтобы обеспечить эти самые 10–12 тыс. захоронений на открытых кладбищах, мы постоянно вводим в эксплуатацию новые места погребения, последнее из которых — это благоустроенное нашими силами Ястребковское кладбище.

— На сколько выросло количество захоронений в Москве по сравнению с допандемийным периодом?

— Исходя из данных официальной статистики, прирост по смертности составляет порядка 25–30%. Сообразно растет и количество погребений, осуществляемых на кладбищах и крематориях города с учетом упомянутого выше коэффициента вывоза усопших для погребения в других регионах.

Дело Голунова

Летом 2019 года журналист Иван Голунов был задержан по подозрению в хранении и сбыте наркотиков. Никулинский районный суд Москвы 8 июня отправил журналиста под домашний арест. Сам Голунов утверждал, что наркотики ему подкинули и что преследование связано с его журналистской деятельностью — в числе прочего с расследованием про связь руководителей ГБУ «Ритуал» с силовыми структурами. В нем фигурировал и Артем Екимов, который до работы в ГБУ был оперативником Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД (ГУЭБиПК).

Вскоре Голунов был освобожден за нехваткой доказательств. Впоследствии он опроверг связь своего расследования с задержанием и заявил, что преследование началось до того, как он занялся темой похоронного бизнеса. В прошлогоднем интервью РБК Екимов добавил, что связь преследования журналиста с его расследованием о похоронной отрасли — «это предположения, которые развенчались».

Цена похоронного вопроса

— А что со стоимостью похорон? Есть информация, что если в среднем раньше гроб стоил около 7 тыс. руб., то сейчас — уже 9 тыс. Стали ли дороже гробы, стали ли дороже захоронения вообще?

— Я бы сказал, что стоимость ритуальной атрибутики скорректировалась незначительно, и в первую очередь за счет динамики цен на используемые при изготовлении материалы — древесину и металл.

Плюс возможная корректировка может быть связана с изменением запросов самого заказчика. Вот мы сейчас находимся в центре ритуального обслуживания. Здесь выставлено порядка ста гробов. Понятно, что они имеют разную стоимость — от самой минимальной до самой максимальной. Мы можем говорить про текущую ориентированность человека в Москве на более дорогостоящую продукцию. То есть необязательно гроб подорожал, а скорее, человек выбрал более дорогой вариант.

— То есть люди не начали больше экономить на похоронах?

— В Москве скорее нет. Я уже об этом говорил, похороны — это все-таки в первую очередь сакральный обряд. Это «последнее прощание», материально воплощенное. Ведь на усопшем родственнике не экономят. Не экономили и не экономят.

В подавляющем большинстве случаев та цена, которую человек платит за организацию похорон, находится в пределах относительного максимума от того, что он готов и может оплатить.

Стоимость организации похорон, как правило, в восприятии заказчика паушальная, то есть не разбитая на составляющие. Как правило, люди не высчитывают, сколько стоит гроб, сколько постель или сколько тапочки, катафальный транспорт, венки и т.д.

— Но средний чек все же вырос?

— Предметно можно оперировать исключительно цифрами учреждения. Ввиду нетранспарентности рынка агентских услуг, его теневого характера данные о каких-либо детализированных экономических показателях всего рынка недоступны. И тем не менее можно говорить о том, что средний чек на рынке в целом если и растет — на 5-7%, то это в пределах инфляции (за счет роста цен на используемые материалы при изготовлении ритуальной атрибутики) либо за счет новых категорий продукции и новых услуг.

— То есть из ваших слов следует, что люди сейчас склонны платить больше, покупать гробы и услуги подороже?

— В Москве в целом да. Вот, например, у нас за последние годы выросло количество похорон с использованием сингуматора — ритуального лифта. Это значительно более эстетичная история, чем опускать гроб на рушниках, значительно более цивилизованная. Если четыре-пять лет назад количество похорон с услугой сингуматора было на уровне 0,3%, то сейчас их количество составляет до 20%.

— А сколько сейчас в среднем стоят похороны в Москве под ключ?

— Порядка 100-110 тыс. руб., собственно, за агентские услуги, за гроб, катафальный транспорт, венки. Само захоронение, равно как и кремация, обходится примерно в 35 тыс. руб. То есть общий чек порядка 135 тыс. руб. условно. И это необязательная минимальная цена, а сложившийся средний чек в учреждении. От 18 тыс. руб. за организацию похорон по гарантированному перечню (при этом их оплачивает государство, а не заказчик) до нескольких сотен тысяч в отдельных случаях. А если обращаться к услугам теневых агентов, то она может расходиться с нашей стоимостью вплоть до 1400% за мелкий товар. Какая-нибудь лента с гравировкой стоит 100 руб., а у теневиков — 1,5 тыс. руб.

— А улучшилась ли ситуация с теневым бизнесом за последний год? Ранее была информация, что теневику принадлежит до половины похоронного рынка.

— Ну исходя из того, что наша доля на рынке агентских услуг пока сохраняется на уровне 30% и не увеличивается, думаю, ситуация не улучшается. Но тут нужно определиться с тем, по каким критериям организации можно относить к теневику. Близкие к нулевым налоги? Близкая к нулевой отраженная выручка? Отсутствие легальной инфраструктуры? Тогда это, за редким исключением, практически все, кроме нас. Тем более что вся их бизнес-модель заключается в элементарной схеме: купить информацию, притвориться госучреждением, например нами, получить с родственника усопшего наличные, потратить эти теневые средства на собственные нужды.

— А на сколько вырос доход «Ритуала», скажем, по сравнению с 2019 годом?

— Доход учреждения за 2019 год составил 3,4 млрд руб., за 2020-й — 4,2 млрд. Это показатель дохода. Операционный денежный поток поступающих в кассу и на расчетный счет средств по аналогии с крупными сетевыми ретейлерами, естественно, выше. Скачков нет, выручка растет строго пропорционально смертности и погребениям плюс эволюционное, на протяжении нескольких лет, развитие культуры захоронения, выражающееся в расширении перечня услуг.

— Появились ли из-за пандемии какие-то новые услуги, новые возможности для похорон, кроме тех, о которых уже говорилось?

— Дистанционное прощание, дистанционное благоустройство мест захоронений, дистанционное возложение цветов. Особенный спрос возник на гробы с прозрачными крышками, которые обеспечивали бы защиту от распространения коронавирусной инфекции. Но это было еще в 2020-м,

инфекция и особенности ее распространения не были в достаточной степени изучены. Первое время захоронение даже осуществляли сотрудники в специальных костюмах химзащиты. Тогда мы и предложили это конструктивное ноу-хау. Нигде, ни на Западе, ни в России, такого решения не было.

— Востребованы сейчас эти услуги?

— Кроме гробов с прозрачными крышками, скорее, нет. Вы знаете, я бы не сказал, что они и в пандемию были востребованы колоссально. То есть мы обеспечили возможность получения этих дистанционных услуг, а спрос — это уже про другое.

— Люди хотят традиционные похороны.

— Вообще традиционализм царит в сфере, конечно.

— А стали люди чаще покупать кремации, чем захоронения, как рекомендовал Роспотребнадзор?

— Я уже говорил, это норма носила рекомендательный характер, без принуждения. Тем не менее в первый период на протяжении двух-трех месяцев действительно количество кремаций выросло до 72% в общем объеме погребений. Сейчас этот показатель снизился до внекризисных пропорций — 58% кремаций и 42% захоронений гробом.

Новые старые кладбища

— А правда, что снова реанимирован проект постройки кладбища Щапово («Белые березки») и что это связано с коронавирусной смертностью?

— Ключевое слово здесь «снова». Это действие не связано «с критической пандемийной ситуацией, переполняемостью» и т.д. Проблем с землей нет. Есть стратегическое развитие банка кладбищ. Город же в этом смысле планирует дольше, чем на три года вперед, он планирует на десятилетия. Это и позволяет Москве в отличие от, например, азиатских мегаполисов реализовывать право выбора способа погребения, а не оставлять безальтернативно кремацию.

— Кстати, о новых кладбищах. Разрабатывается законопроект о частных кладбищах. Говорят, если они появятся, это может означать конец государственной монополии в похоронной сфере. Как вы оцениваете эту перспективу?

— Фактически никакой государственной монополии во всей похоронной сфере не существует. В одном только Московском регионе в разных сегментах рынка существует до 1 тыс. организаций.

Напротив, я думаю, что этот законопроект нужен для упорядочивания этого рынка как раз с позиции госрегулирования. Потому что все участники должны, как мне кажется, находиться под регламентным контролем государственной власти. Десятилетия относительной вакханалии в отдельных сегментах ритуального рынка привели к хаосу и злоупотреблению. Нужна какая-то разрешительная форма функционирования на этом рынке. А что касается частных кладбищ, то если они будут находиться в тех же анархических условиях, что сейчас находится рынок агентских услуг, то вакханалия только усилится.

Все неоднозначно. Ведь что такое кладбище? Это сложный инфраструктурный объект на стыке правоприменения, обрядовости и коммунального хозяйства. Кладбище — это вообще достаточно дорогой проект, стоимость реализации которого зависит от ряда факторов (сложность ландшафта, соблюдение каких-либо охранных обязательств, подключение инженерных сетей и т.д.). Плюс постоянные расходы, связанные с его содержанием и функционированием, могут варьироваться. Здесь уже вопрос экономической целесообразности вовлечения в эти процессы. А высокая маржинальность кладбища заканчивается, по сути, через год после осуществления всех захоронений. Потому что первая прибыль будет извлечена в результате продажи земли под захоронение, и вторая волна прибыли накроет частных бизнесменов при установке надмогильных сооружений. Ведь в наших нормативах, да и традициях, вовлечение в еще один круг продаж мест захоронений невозможно.

По сути, есть очевидные риски того, что такое кладбище превратится через какое-то время в относительно заброшенное место, содержание которого ляжет на плечи государства. Мы уже с этим сталкивались. На переданном в 2012 году в оперативное управление ГБУ «Ритуал» одном из подмосковных кладбищ, например, земли каким-то образом ранее продавались частной организацией. Бенефициаров уже нет, обязательства по заключенным договорам они с себя сняли, а о людях и их захоронениях заботимся мы.

Я уж не говорю даже про частные крематории. Без максимально жесткого государственного

контроля процесса существуют серьезные риски безучетных незаконных кремаций и игнорирование всех норм технической безопасности. Так что развитие частных кладбищ и частных крематориев — с одной стороны, видимое конкурентное благо (конкуренция кладбищ по крайней мере лучше, чем конкуренция на кладбище). Но только при тотальном государственном надзоре.

— В прошлый раз вы говорили об электронном документообороте. Потому что понятно, что домовые книги нужно переводить в электронный вид, иначе невозможно. Какие успехи в этой области?

— Успехи есть — максимальная оцифровка вот тех самых домовых книг. Она завершена на 100%. Те сведения, которые содержались в 4,5 тыс. книг о порядка 7 млн захоронений, теперь находятся в цифре. По сути, никакие злоупотребления с перерегистрацией теперь принципиально невозможны. Сведения максимально защищены. Это создает пространство, такую big data, на которую мы с течением времени наложим уже клиентские сервисы — дистанционное получение государственных услуг, благоустройство, поиск места захоронения и др.

— Но эти базы не появятся в открытом доступе?

— Нет, конечно. Точнее, понятно, что поиск места захоронений с последующим мемориальным действием, например возложением цветов, вам может быть доступен. Но принципиальные юридические действия и некоторые услуги сможет получать исключительно ответственное за захоронение лицо в своем личном кабинете.

Сейчас мы проводим инвентаризацию мест захоронения уже на месте с присвоением им GPS-координат. По сути, по итогам этой инвентаризации (сейчас выполнено порядка 15% от общего объема) каждое место захоронения превратится в полноценный конкретизированный, кадастрированный объект права.

Итогом двух программ (оцифровки и инвентаризации) станет уникальная структурированная база данных. Это как если бы единый государственный реестр недвижимости соединить с данными паспортного стола. Полностью завершить программу инвентаризации мы планируем в течение двух-трех лет. А запуск каких-то клиентских сервисов на базе уже оцифрованных проинвентаризированных мест, я думаю, возможен ближе к концу следующего года.

Люди в отрасли

— Расскажите немного о кадрах. Есть мнение, что профессиональных организаторов похорон, заведующих кладбищем не хватает. И «Ритуал», насколько я понимаю, их самостоятельно обучает.

— Да. На базе собственного лицензированного учебного центра, включенного в систему профессиональных стандартов.

— Есть ли действительно нехватка и что нужно делать? Нужны ли вузы, какие-то специальные учреждения?

— Мы это обучение проводим в формате дополнительного образования. Нужно ли такое комплексное базовое обучение? Все-таки хороший специалист формируется в этой сфере больше эмпирически. По сути, те дисциплины, которые составляют нашу учебную программу (это профессиональная юриспруденция, социология, психология, общее развитие, благоустроительные дисциплины), создают тот необходимый базис, на который уже наслаивается определенный опыт. Я уже говорил, что кладбище находится на стыке права, обрядов, религии, коммунального хозяйства. Поэтому мы наполняем теорию по всем направлениям и дальше обучаем уже в процессе работы. В этом смысле мы, как учебное заведение, конечно, даем наиболее полноценное формирование той личности, которая потом будет контактировать с человеком, переживающим горе, и которая должна быть таким уверенным проводником.

— Хароном?

— Хароном, но эмпатирующим все-таки. Не циником.

— А откуда вообще люди приходят в отрасль?

— У нас 50% агентов и организаторов похорон до приема на работу не были ранее связаны с ритуальной сферой. Чаще всего это бывшие менеджеры из различных сфер ретейла. И на самом деле они демонстрируют с течением времени лучшие результаты [чем те, кто изначально работал в похоронной сфере]. Причем в первую очередь с позиции той самой цивилизованной клиентоориентированности.

— Это хорошо. Кстати, больше мужчин или женщин в этой отрасли?

— Треть работников нашего учреждения — женщины. Причем на разных позициях, от заместителей директора до агентов. Эмансипация не дошла до ритуальной лопаты. Думаю, что до копки могил женщинами и не дойдет.

Адрес страницы: <http://ritual.mos.ru/presscenter/news/detail/10394493.html>

[ГБУ города Москвы «Ритуал»](#)